

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-75-111

Научная статья / Research paper

А.Н. Королёв*

БАЛАНСЫ СИЛ, УГРОЗ И ИНТЕРЕСОВ: ЛОГИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО СБЛИЖЕНИЯ КИТАЯ И РОССИИ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

*Факультет социальных наук
Университета Нового Южного Уэльса
Сидней NSW 2052, Австралия*

Со времени распада СССР отношения между Китаем и Россией демонстрируют устойчивую позитивную динамику, по многим параметрам приближаясь к стратегическому союзу. При этом большинство попыток выявления причин этого сближения, как правило, ограничиваются указанием на продолжающееся ухудшение отношений этих стран с Западом, прежде всего США. Однако такой подход представляется недостаточным, поскольку не позволяет в полной мере выявить детерминанты российско-китайского сближения и оценить устойчивость данной тенденции. В представленной статье на основе современных разработок в теории формирования стратегических межгосударственных союзов предпринята попытка дать комплексную оценку причин формирования и эволюции отношений Российской Федерации и КНР, связав их с общей логикой развития системы международных отношений в постбиполярный период. Для этого автор предлагает опереться на эпистемологический потенциал трех основных подходов к объяснению причин формирования стратегических союзов, представленных концепциями «баланса сил», «баланса угроз» и «баланса интересов». При этом предлагается проанализировать российско-китайское взаимодействие не только с точки зрения изменений внутри каждого из этих балансов по отдельности, но и с позиции их взаимного переплетения и взаимного влияния. Подобный подход позволил показать, что после окончания холодной войны динамика изменений в рамках всех трех балансов объективно способствует более тесному стратегическому сотрудничеству Китая и России, в основе которого лежит комплекс представлений о США как главном источнике угроз национальной безопасности двух стран и о многополярности как оптимальном принципе

---

* *Королёв Александр Николаевич* — PhD, доцент факультета социальных наук Университета Нового Южного Уэльса, Сидней, Австралия (e-mail: a.korolev@unsw.edu.au).

организации системы международных отношений. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что как минимум в среднесрочной перспективе динамика и общее направление российско-китайских отношений в сторону укрепления двусторонней координации не только сохранятся, но и, с большой долей вероятности, получат новый импульс к оформлению в качестве полноценного союза.

Ключевые слова: российско-китайское стратегическое сотрудничество, Российская Федерация, КНР, Соединенные Штаты, стратегический союз, баланс сил, баланс угроз, баланс интересов, российско-американские отношения, китайско-американские отношения.

Для цитирования: Королёв А.Н. Балансы сил, угроз и интересов: логика стратегического сближения Китая и России в постбиполярный период // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 75–111. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-75-111.

Alexander Korolev

**BALANCES OF POWER, THREAT, AND INTERESTS:
THE LOGIC BEHIND CHINA-RUSSIA
STRATEGIC ALIGNMENT
IN THE POST-COLD WAR PERIOD**

*School of Social Sciences,
University of New South Wales,
Sydney NSW 2052, Australia*

Since the collapse of the Soviet Union, China-Russia relations have demonstrated a significant and consistent progress on a number of issues advancing to the strategic alliance. However, the existing explanations of such progress have rarely gone beyond simple recognition of the continuous deterioration of relations between these countries and the West, particularly the United States. However, such explanations seem insufficient since they do not reveal the key determinants of the Russian-Chinese alignment and cannot help assess the sustainability of this trend. In order to provide a comprehensive and methodologically consistent assessment of the main drivers of the China-Russia relations within the framework of the post-Cold War international system evolution, this paper draws on the latest findings in the theory of international alliances. To this end,

the author harnesses the epistemological potential of the three main approaches to the root causes of interstate strategic alliances, namely the 'balance of power', the 'balance of threat' and the 'balance of interests'. The paper examines the Russian-Chinese cooperation both within the framework of each of these three balances separately and in their interrelatedness and interdependence. The author shows that trend towards a closer strategic cooperation between China and Russia in the post-Cold War period stemmed from the inner dynamics of all of these balances. This strategic alignment is based on a complex of shared views on the United States as the main source of threats for national security and the commitment of both states to the idea of a multipolar world. The author concludes that not only will the trend towards strengthening Russian-Chinese cooperation continue, at least in the medium term, but it can receive a new impetus to evolve into a full-fledged alliance.

Keywords: Russia-China strategic cooperation, the Russian Federation, the People's Republic of China, the United States, strategic alliance, balance of power, balance of threat, balance of interests, US-Russia relations, US-China relations.

About the author: *Alexander Korolev* — PhD, Senior Lecturer in Politics and International Relations, School of Social Sciences, University of New South Wales, Sydney, Australia (e-mail: a.korolev@unsw.edu.au).

For citation: Korolev A. 2021. Balances of power, threat, and interests: The logic behind China-Russia strategic alignment in the post-Cold War period. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 75–111. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-75-111. (In Russ.)

Со времени окончания холодной войны стратегическое сотрудничество Китая и России, несмотря ни на что, стабильно развивалось. Согласно официальным документам и заявлениям эти отношения прошли путь от «добрососедства» в начале 1990-х годов до «конструктивного сотрудничества» в конце того же десятилетия, затем — «всеобъемлющего стратегического партнерства» в 2001 г. и, наконец, «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» в 2012 г. [Korolev, Portyakov, 2018]. 5 июля 2019 г. Си Цзиньпин и Владимир Путин охарактеризовали взаимодействие двух стран как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху», что подчеркивает последовательное укрепление российско-китайских контактов, их

устойчивость к внешним потрясениям и готовность обеих сторон отвечать на будущие вызовы¹.

Российско-китайское сотрудничество в военной области также существенно продвинулось за последние 10 лет, достигнув апогея в 2019 г. после заявления В. Путина о том, что Россия активно помогает Китаю создать систему дальнего радиолокационного обнаружения ракет². Система будет предоставлять сведения о траектории, скорости потенциальных приближающихся ракет, времени до цели и другую критическую информацию, необходимую для эффективного перехвата. Стратегические вооружения и особенно системы раннего предупреждения о ракетном нападении являются самым важным и сложным аспектом оборонного потенциала любой страны. Расширение российско-китайского сотрудничества в данной сфере открывает возможности для интеграции систем дальнего обнаружения двух стран и потенциально может привести к формированию политики совместной обороны. Если это случится, то военная интеграция Китая и России может, по некоторым оценкам, достичь уровня союзных отношений США с такими странами, как Франция и Великобритания³.

С учетом геополитических характеристик и военного потенциала Китая и России их возможный союз может иметь значительные мирополитические последствия. Западные аналитики всё больше признают серьезные вызовы, исходящие от крепнущего российско-китайского союза. Ряд ведущих американских экспертов и военных стратегов отмечают в недавнем специальном отчете для Конгресса, что американское военное превосходство «снизилось до опасного уровня», когда США «только с большим трудом смогут выиграть, а, возможно, и вообще проиграют войну против Китая или России», особенно если Вашингтон «будет вынужден сражаться на двух и более фронтах одновременно»⁴.

---

¹ China, Russia agree to upgrade relations for new era // Xinhua News Agency. 06.06.2019. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2019-06/06/c_138119879.htm (accessed: 17.12.2020).

² Нечаев А. Россия застрахует Китай от нападения США // Взгляд. 04.10.2019. Доступ: <https://vz.ru/world/2019/10/4/1001276.html> (дата обращения: 17.12.2020).

³ Kashin V. Tacit alliance: Russia and China take military partnership to new level // Moscow Carnegie Center. 22.10.2019. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/80136> (accessed: 17.12.2020).

⁴ Providing for the common defense. The assessments and recommendations of the National Defense Strategy Commission // National Defense Strategy Commission.

Несмотря на очевидную значимость для международной политики, постепенно выкристаллизовывающийся стратегический союз Китая и России остается дебатруемым в академических кругах. Предлагаемые оценки того, кем страны являются друг для друга, разнятся в диапазоне от «союзников» до «соперников». К тому же нет единого мнения относительно основных движущих сил российско-китайского союза⁵. Ситуация усугубляется тем, что работы, посвященные российско-китайским контактам, как правило, оторваны от основных теорий международных отношений, а для мейнстримных западных теоретических исследований в свою очередь российско-китайское взаимодействие остается, хотя и необоснованно, лишь периферийным кейсом.

В некоторых недавних российских исследованиях предложен ряд интересных оценок перспектив российско-китайского союза [Киреева, 2019; Лукин, Кашин, 2019]. И всё же теоретическая проработка первопричин его формирования с опорой на западные теории в этой области видится недостаточной⁶. Как правило, указываются общие факторы, такие как «растущая напряженность в отношениях с США» в контексте меняющейся мирополитической системы и стремление России и Китая к многополярности [Лукин, Кашин, 2019: 150], «давление» со стороны Вашингтона на оба государства [Киреева, 2019: 87], а также «системный конфликт»⁷ Пекина и Москвы с заокеанским оппонентом. При этом не проводится эксплицитного развертывания логики функционирования базовых движущих сил российско-китайского стратегического сотрудничества. Там же, где есть анализ конкретных переменных, влияющих на динамику союзных отношений двух стран, основной акцент делается на модифицирующих факторах, определяющих вероятный *формат* таких отношений, а не на первопричинах двустороннего сближения [Киреева, 2019: 90].

13.11.2018. Available at: <https://www.usip.org/publications/2018/11/providing-common-defense> (accessed: 17.12.2020).

⁵ Более подробный анализ различных оценок и объяснений российско-китайского союза см.: [Королёв, 2019].

⁶ Справедливости ради следует признать, что такая проработка не всегда являлась основной целью этих исследований.

⁷ Кашин В.Б. Россия и Китай: союз или стратегическая неопределенность? // РСМД. 02.09.2019. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-soyuz-ili-strategicheskaya-neopredelennost/> (дата обращения: 29.03.2021).

Схожие тенденции наблюдаются и в недавних российских публикациях по общей тематике союзнических отношений между государствами. Так, рассматривалось влияние географических характеристик союзников (морские державы против континентальных) на их предпочтения в выборе стратегий союзничества (т.е. как государства формируют союзы), но не изначальные стимулы формирования союзов как формы балансирования (т.е. почему они их создают) [Истомин и др., 2018]. В работах, в которых всё же исследовались причины формирования союзов, как правило, уделялось внимание отдельным факторам, таким как угроза продвижения гегемоном (т.е. США) универсалистской идеологии [Istomin, 2019] или же его стремление сохранить свою глобальное лидерство [Истомин, Байков, 2020], при этом в качестве эмпирической базы в некоторых случаях использовался особый подтип союзов, как, например, асимметричные альянсы Соединенных Штатов [Истомин, Байков, 2020]. Подобные работы делают вклад в понимание отдельно взятых факторов союзничества, но, ставя иные задачи, не предлагают комплексного объяснения причин формирования союзов, основанного на интеграции ключевых теоретических положений в этой области в единую базовую модель.

Данная статья восполняет эти пробелы в эмпирических (посвященных российско-китайскому союзничеству) и теоретических исследованиях. Отвечая на вопрос, чем объяснить растущую интенсивность политического и военного сотрудничества Китая и России (ситуативная ли это реакция на ухудшение российско-западных отношений как следствие «украинского кризиса» или у нее более веские причины, заложенные в долгосрочных международных системных тенденциях), автор синтезирует и систематизирует существующие теоретические подходы к вопросу формирования стратегических союзов и предлагает новый теоретический подход — «трех балансов». Речь идет о рассмотрении в системной взаимосвязи трех подходов к концептуализации принципов развития международной среды, в частности формирования межгосударственных союзов. Во-первых, это классическая концепция «баланса сил», которая основана на структурном реализме Кеннета Уолтца [Waltz, 1979]. Во-вторых, теория «баланса угроз» Стивена Уолта [Walt, 1990], которая дополняет структурную теорию К. Уолтца. И, наконец, в-третьих, идея «баланса интересов» Рэндалла Швеллера [Schweller, 1998].

Все три баланса упоминаются в литературе по международным отношениям как важные детерминанты формирования стратегических союзов. Будучи, на первый взгляд, достаточно простыми объяснительными моделями, они имеют ряд нюансов, связанных с их применением для анализа конкретного сотрудничества, которые часто не получают должного внимания. Более того, предлагаемая здесь трехчастная модель предполагает необходимость выявления не только причинно-следственной логики, заложенной в механизм реализации каждого такого баланса по отдельности, но и того, как он сочетается с двумя остальными, генерируя каузальный импульс к формированию союза.

В первом разделе данной статьи излагается концепция «трех балансов» как факторов формирования стратегического союза и предлагаются пути ее инструментализации. Во втором разделе проводится эмпирический анализ российско-китайских отношений после холодной войны через призму данной концепции. Третий раздел включает выводы и предварительные оценки возможной траектории развития российско-китайского сотрудничества.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу, необходимо дать несколько концептуальных пояснений. В литературе нет единого понимания межгосударственных «союзов» [Wilkins, 2012: 54]. Работы в этой области насчитывают более 30 различных определений данного термина [Королёв, 2019]⁸. С. Уолт [Walt, 1990: 1] использует словосочетание «формальный альянс» наравне с «неформальным союзом», в то время как М. Уорд [Ward, 1982: 14] отмечает, что термины «союз», «объединение» и «коалиция» в литературе часто взаимозаменяются. При этом, по мнению Г. Снайдера [Snyder, 1991: 123], научные исследования не должны ограничиваться официально оформленными союзами, поскольку наиболее значимым и требующим понимания следует рассматривать более обширное явление стратегического сотрудничества, и официальный «союз» — это лишь его подвид и способ формализации. Союзнические отношения выражаются не в формальных договорах, а в реальных действиях [Ward, 1982: 7]. Более обоснованным и перспективным видится второе, расширительное понимание стратегического союза — то, что по-английски обозначается термином *alignment*, подразумевающим

---

⁸ Подробное освещение терминологической дискуссии вокруг понятия «союз» также см.: [Истомин, 2017].

тесное военно-политическое сотрудничество⁹. Такие союзы могут не иметь четко прописанных обязательств коллективной обороны, но их влияние на мировую политику от этого не становится менее значительным [Snyder, 1991; Ward, 1982; Wilkins, 2012]. В данном исследовании термин «союз» понимается именно в этом смысле. Такой подход также видится оправданным и в контексте последних российских работ, показавших отсутствие прямой зависимости между наличием формальных союзных договоров и фактическим военным сотрудничеством [Фомин и др., 2019].

Теоретическая основа: «три баланса» и формирование союзов

В качестве первого причинного фактора формирования союзов и отправной точки для последующего анализа выступает концепция «баланса сил». Она формирует базовый контекст, характеризует конфигурацию структуры распределения материальной силы между наиболее крупными государствами (полюсами мощи) международной системы [Waltz, 1979]. Полярность обеспечивает диспозиционное системное давление, структурирующее горизонты вероятных действий государств. Будучи мощными державами, Китай и Россия, как и США, занимают структурообразующие позиции в международной системе, что делает их особенно подверженными такому давлению.

После окончания холодной войны главной характеристикой международной системы стало абсолютное превосходство США в мировом балансе сил. К. Уолтц считал, что такая однополярность, как и любая другая, саморазрушительна и является всего лишь «геополитическим моментом», который неминуемо сменится многополярностью, потому что в условиях анархии государства неизбежно предпринимают попытки подрыва превосходства гегемона [Waltz, 2000]. Даже если последнему удастся проявлять сдержанность, другие страны всё равно склонны беспокоиться о своей безопасности в разбалансированной международной системе и, следовательно, попытаются объединиться с другими второстепенными государствами (т.е. совершить внешнее балансирование) в качестве одного из возможных способов повысить свою безопасность. Государства

---

⁹ Прямой перевод термина *alignment* видится проблематичным. Возможны такие варианты, как «сближение», «объединение» и «координация». При этом изобретение новых терминов не всегда способствует ясности анализа. Во избежание семантического коллапса вокруг термина *alignment* в данной статье используется термин «стратегический союз» в широком понимании с учетом упомянутых пояснений.

всегда объединяются против гегемона, даже если тот стремится сохранить свое превосходство посредством стратегии пряника, а не кнута, — просто потому, что однополярные системы, согласно структурной теории «баланса сил», неизбежно приводят к негативным геополитическим последствиям. Следовательно, системный стимул к формированию антигегемонистского союза порождается разбалансированностью системы, и создание такого союза является способом ее возврата к более симметричному состоянию.

Однако логика формирования союзов с позиции теории «баланса сил» менее линейна, чем может показаться на первый взгляд. Согласно «теориям отсутствия балансирования» [Korolev, 2018], ставшим популярными после окончания холодной войны, балансирующее поведение маловероятно из-за слишком большого отрыва США по многим показателям мощи, что делает любые союзы между потенциальными претендентами (включая Китай и Россию) бессмысленными. После завершения холодной войны разрыв между Соединенными Штатами и остальными государствами был настолько сильным, что ни у одной страны или группы стран не было достаточных материальных возможностей, чтобы бросить вызов абсолютному доминированию США. Эта разница в силе представлялась беспрецедентной и самоукрепляющейся, и она создала непреодолимый силовой порог, ставший одним из главных объяснений того, почему другие государства не формируют союзы, чтобы противостоять Вашингтону. Согласно данной интерпретации, даже если Россия и Китай не удовлетворены текущим однополярным порядком, их потенциал недостаточен, чтобы обеспечить эффективное балансирование посредством объединения своих возможностей в союз. С этой точки зрения любой антиамериканский союз становится бесполезным.

Таким образом, влияние системной полярности на формирование союзов является комплексным. В некотором смысле в нем действует «принцип Златовласки»: в то время как разбалансированность системы ведет к образованию союзов, избыточная концентрация силы на одном полюсе может предотвращать их образование. Другими словами, степень системного дисбаланса должна быть как раз в таком диапазоне, чтобы возникали стимулы для формирования союзов. Комплексная военная мощь потенциального союза должна быть способной сгенерировать как минимум какой-то эффект сдерживания [Benson, Clinton, 2016], когда суммарная мощь союза может повлиять

на внешнюю политику соперника [Morrow, 1994; Smith, 1995; Leeds, 2003; Yuen, 2009; Johnson, Leeds, 2011; Benson, 2012].

Согласно такому подходу эмпирические оценки баланса сил как фактора формирования союза требуют не только изучения распределения сил в международной системе с учетом позиции гегемона, но и ответа на вопрос, может ли военный потенциал гипотетического союза (в нашем случае российско-китайского) создать условия для эффективного балансирования и восстановить относительный баланс.

Вторая объяснительная модель формирования союзов — концепция «баланса угроз» — является развитием теории «баланса сил» [Walt, 1985]. В рамках этой концепции акцент делается на проблемах восприятия внешней угрозы потенциальными союзниками. Согласно С. Уолту внешние угрозы, а не просто структурное распределение мощи являются главной движущей силой стратегических союзов [Walt, 1985]. При этом именно *общие* угрозы играют особо важную роль в мотивировании государств к образованию союза. Ощущение государствами общей угрозы формирует «четкую согласованную цель», что создает мощный стимул для союза [Bennett, 1997: 852]. Б. Лай и Д. Рейтер также демонстрируют, что государства, сталкивающиеся с общей угрозой, наиболее склонны к формированию союза, потому что «каждая из сторон с большей долей вероятности готова ввязываться в конфликт при нападении на другую сторону, если у этих сторон есть общий враг». Благодаря этому уменьшаются «страх быть втянутым в ненужную войну, с одной стороны, и страх отказа союзников от обязательств альянса — с другой» [Lai, Reiter, 2000: 211].

Американскую мощь в литературе часто представляли как «офшорную» — изолированную океанами — и, таким образом, не представляющую прямой угрозы выживанию других государств [Walt, 2002]. Некоторые ученые даже говорили о «постмодернистской» природе американского могущества. Так, хотя жесткая сила всё еще является решающим фактором, в повседневной политике основной акцент делается на «мягкой силе», которую сложнее сдерживать. Дж. Жоффе, рассуждая об американском могуществе, спрашивает: «Как можно сдерживать мощь, если она проистекает не от принуждения, а от обольщения?» [Joffe, 2002: 170]. Американская благожелательность, готовность помочь и надежность приводят к тому, что другие либеральные страны не пытаются

балансируют против США [Owen, 2002: 257]. Согласно такой логике, даже если Соединенные Штаты являются самым могущественным государством в современной международной системе, они не угрожают другим и не рассматриваются ими как угроза, поэтому веские причины ожидать появления антигегемонистского союза отсутствуют.

Необходимо оговориться, что в данной статье теория «баланса угроз» применяется избирательно. Основной акцент делается на утверждении С. Уолта и других исследователей политики союзов [Walt, 1990; Bennett, 1997; Lai, Reiter, 2000] о значимости «общих внешних угроз» как движущей силы стратегических союзов. При этом опускается разбивка «угрозы» на составные переменные, выделяемые С. Уолтом в рамках его теории, такие как (помимо совокупной мощи) географическое положение, наступательный потенциал и агрессивные намерения [Walt, 1990: 23]. Такой подход может показаться необоснованно вольной интерпретацией оригинальной теории, но он видится оправданным в контексте данного кейса. Как показано в ряде работ по рассматриваемой тематике, такие факторы, как наступательный потенциал и агрессивные намерения, в теории «баланса угроз» не базируются на сколько-нибудь объективных критериях и остаются достаточно спекулятивными, как и возможности их корректной оценки [Rosato, 2015; Van Evera, 1998]. Что касается географического положения, то в теории С. Уолта географическая близость государств должна работать против их сближения в рамках союзов. Но географическая близость может оказывать и противоположное влияние: мощные соседи с общей границей, осознавая разрушительность и высокие издержки потенциального конфликта друг с другом, делают всё возможное, чтобы избежать соперничества и осознанно идут на сближение. Именно такая интерпретация географической близости прослеживается как в России, так и в Китае. Видимо, отдельные положения теории С. Уолта работают не во всех случаях. Для прояснения этого вопроса необходима дальнейшая верификация теории на обширном материале, что выходит за рамки данного исследования.

Для эмпирической оценки баланса угроз необходимо проверить, имеют ли потенциальные союзники общие представления о главных внешних угрозах, т.е. считают ли они одно и то же государство наиболее опасным противником. Признаком нарастающего ощущения угрозы может быть изменение тона и содержания совместных заяв-

лений или общего дискурса в более широком смысле от выражения общего понимания по основным вопросам международной политики до формулирования общих внешних угроз, связанных с конкретным геополитическим соперником.

Третья модель — теория «баланса интересов» — представляет собой дальнейшее развитие концепций «баланса сил» и «баланса угроз». Данная теория предложена Р. Швеллером, который утверждает, что создание государствами союзов и выбор ими партнеров зависят скорее от наличия понимания общности интересов, чем от восприятия угроз или асимметрии силы [Schweller, 1998]. Самым важным, решающим фактором образования союза является «совместимость политических целей» [Schweller, 1994: 88]. Р. Швеллер выделяет две группы стран: «государства статус-кво», которые союзничают друг с другом потому, что разделяют интересы по сохранению существующего мирового порядка и сдерживанию стран — сторонников изменений, и «государства-ревизионисты», которые формируют друг с другом союзы потому, что видят больше преимуществ в изменении системы [Schweller, 1993].

Практическое применение данной модели предполагает выявление того, как гипотетические союзники видят международный статус-кво и хотят ли они изменить его; каким образом, если это вообще имеет место, их интересы дополняют друг друга, и насколько глубоко они разделяют приверженность изменению или сохранению современного мирового порядка.

В рамках данного исследования отстаивается тезис, что все эти модели необходимо использовать не изолированно, а в системном единстве. Баланс угроз и баланс интересов связаны с балансом сил, поскольку структурное соотношение силовых потенциалов является необходимой основой как теории «баланса угрозы», так и концепции «баланса интересов». Как подчеркивает С. Уолт, «чем больше общие ресурсы государства <...>, тем большую потенциальную угрозу оно может представлять для других. <...> Общая мощь, какой могут владеть государства, является, таким образом, важным компонентом угрозы» [Walt, 1985: 9–10]. Следовательно, более правильно будет говорить об «угрожающей силе», чем просто об «угрозе» или «силе» [Walt, 1985: 8–9]. Сильное государство может угрожать либо не угрожать, но слабому государству сложно всерьез угрожать сверхдержавам. Между аргументами концепций «баланса угроз» и «баланса сил» существует очевидная синергия.

Аналогично Р. Швеллер подчеркивает, что его идея «баланса интересов» (будь то интересы статус-кво или ревизионистские интересы) коррелирует с концепцией «баланса сил». Теория «баланса интересов» подразумевает «равный акцент как на силе, так и на интересах государств <...> и учитывает взаимодействия между государством и структурой международной системы», при этом поведение государств «обусловлено как их силой, так и интересами, а также структурой, в которой они находятся» [Schweller, 1993: 76–77].

При этом ошибочно полагать, что для ведущих держав нет разницы между балансом сил, балансом угроз и балансом интересов и что интересы могут быть представлены как проекция сил и угроз или, наоборот, угрозы — как продукт соединения соотношения сил (т.е. самый сильный и будет самым угрожающим) и интересов. Такой сценарий «схождения балансов» возможен, но он не гарантирован априори. Могут наблюдаться ситуации, когда только один или два «баланса» эволюционируют в направлении усиления стимулов для формирования союза, а другой(ие) тянет в противоположном направлении. В этом случае импульс для создания союза будет слабее или вообще исчезнет. Исследования американо-индийского стратегического сближения после окончания холодной войны подтверждают именно это. В то время как из-за быстрорастущей мощи Китая с точки зрения теории «баланса сил» союз США и Индии логичен, некоторые расхождения в интерпретации внешних угроз и значительные несогласия в понимании общих интересов создают препятствия для дальнейшей консолидации союза. Вашингтон и Нью-Дели, на первый взгляд, рассматривают Китай как общую угрозу, но в восприятии индийской стороны гораздо больше нюансов, что не коррелирует с конфронтационно-прямолинейным подходом США. В области же интересов расхождения между двумя потенциальными союзниками еще более значительны из-за высокой заинтересованности Индии в экономической кооперации с Китаем, продиктованной нуждами развития страны, а США — в технологическом сдерживании КНР. Такие расхождения объясняют нежелание Индии создавать скоропалительный антикитайский союз с США [Lalwani, Byrne, 2019; Puthan Purayil, 2021].

Более правильной видится интерпретация, согласно которой баланс сил может считаться необходимым условием для формирования союза, а баланс угроз и баланс интересов являются условиями достаточными. Такая связь также указывает на то, что разрозненность

трех балансов создает слабые стимулы, при этом их схождение в единый взаимозависимый каузальный блок генерирует мощный толчок к созданию союза. На рис. 1 обобщен приведенный теоретический анализ и показано, как изменения в каждом из балансов, а также эволюция отношений между ними влияют на формирование межгосударственных союзов. Как видно из рисунка, стимулы для вступления в союзнические отношения усиливаются по мере трансформации каждого из балансов, а также усиления взаимосвязи между ними.

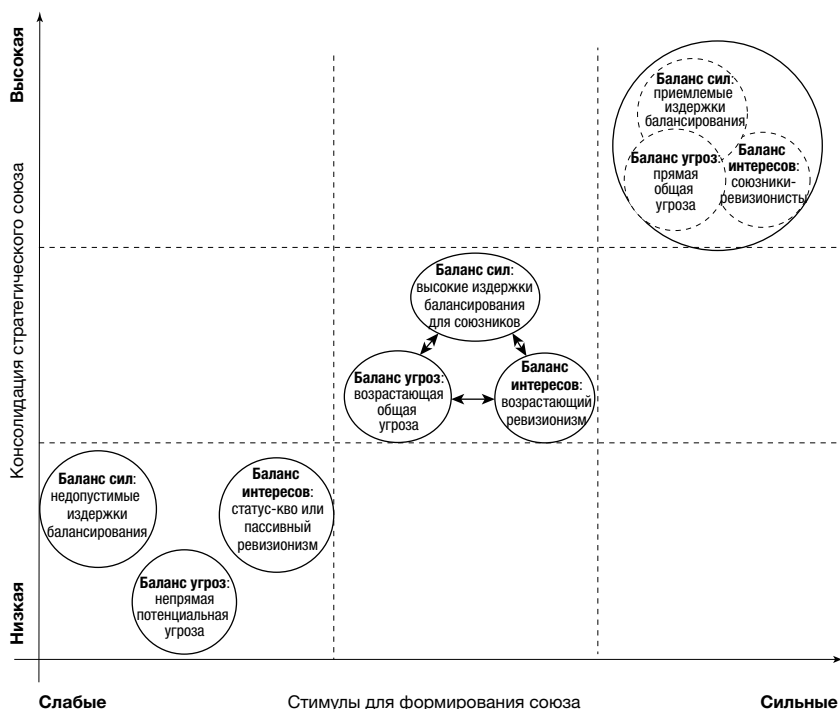

Рис. 1. Эволюция «трех балансов» и консолидация стратегического союза

Fig. 1. The evolution of the 'three balances' and consolidation of strategic alliance

Источник/Source: составлено автором / compiled by the author.

Эмпирический анализ: «три баланса» и российско-китайский союз

Как следует из теоретического анализа, проведенного в предыдущей части, применение системы «трех балансов» к потенциальному российско-китайскому союзу требует изучения его влияния на баланс сил в рамках международной системы (внутрисистемное распределение сил, а также способность российско-китайского союза создать эффективный противовес самой мощной сверхдержаве); анализа совместимости восприятия внешних угроз у гипотетических союзников и оценки их заинтересованности в пересмотре статус-кво.

Баланс сил: распределение материальной мощи и его последствия. Структура международной системы формируется в результате распределения материальных возможностей среди главных держав, определяемого в относительном выражении [Waltz, 1979]. Для первичного замера баланса сил наиболее широко используются валовой национальный продукт (ВНП) и уровень ежегодных военных расходов [Ripsman et al., 2016: 4–46]. Эти показатели позволяют дать грубую, но полезную предварительную оценку структурных стимулов, на основе которых функционируют ведущие державы.

Очевидно, что США, которые со времени распада СССР обладали превосходством совокупной мощи, способным предотвратить любые попытки антиамериканского балансирования в форме стратегических союзов, в настоящий момент теряют исключительность своего доминирования. К концу 2000-х годов период американской «гипермощи» закончился. В известном смысле международная система вернулась в «нормальное состояние» с США в качестве самой сильной «обычной сверхдержавы» — всё еще обладающей очевидным материальным превосходством, но уже теряющей беспрецедентность своего господства. Другими словами, структура международной системы стала более благоприятствующей системному балансированию, такому как формирование союзов между другими крупными державами.

Относительная мощь как Китая, так и постсоветской России по отношению к США значительно возросла со времени распада СССР. В 1991 г. общий ВНП США составлял 6,158 трлн долл. и был в 16 раз больше ВНП Китая (383,373 млрд долл.) и почти в 12 раз больше ВНП России (517,963 млрд долл.). Однако этот беспрецедентный

дисбаланс продлился недолго. К 2013 г. ВВП Китая достиг более чем половины ВВП США (9,57 трлн долл. против 16,785 трлн). К 2015 г. ВВП Китая составил 60% ВВП США (11,062 трлн долл. против 18,219 трлн) и к 2019 г. достиг почти 70% (14,343 трлн долл. против 21,374 трлн). Россия продемонстрировала 11-кратное увеличение ВВП: от скудных 196 млрд долл. в 1999 г. до 2,292 трлн в 2012 г. В то же самое время США показали 2,7-кратное увеличение общего ВВП с 1991 г.¹⁰ С учетом всех оговорок изменение баланса сил значительно. Нынешняя структура мощи напоминает ту, что существовала во время холодной войны, когда ВВП Советского Союза достиг своего пика (60% ВВП США в 1975 г.¹¹) и когда балансирование сверхдержав было определяющей чертой международной политики.

Анализ военных расходов показывает схожую, хотя и менее выраженную динамику. С 2010 г. США сокращали свой военный бюджет. В 2011, 2012, 2013 и 2015 гг. он составлял 711,3, 684,8, 640,2 и 596 млрд долл. соответственно. В 2018 и 2019 гг. военные расходы США вновь показали тенденцию к увеличению, но в целом в промежутке между 2010 и 2019 гг. американский военный бюджет снизился на 15%. Расходы же Китая и России выросли на 85 и 30% соответственно¹². Фактический размер военных бюджетов колеблется и зависит от рассматриваемого периода и внутреннего валютного курса стран. Например, за 10 лет перед «украинским кризисом» (2003–2014) военные расходы США увеличились на 12%, тогда как у Китая и России — на 170 и 108% соответственно¹³. В 2019 г. у США был самый большой военный бюджет в мире — 732 млрд долл., за

---

¹⁰ World Bank national accounts data, and OECD national accounts data files // World Bank. 2019. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN-RU-US-IN&most_recent_year_desc=false (accessed: 17.12.2020).

¹¹ A comparison of Soviet and U.S. gross national products, 1960–1983 // Office of Soviet Analysis, Directorate of Intelligence. 1984. Available at: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000498181.pdf (accessed: 17.12.2020).

¹² Tian N., Kuimova A., Da Silva D.L., Wezeman P.D., Wezeman S.T. Trends in world military expenditure, 2019 // Stockholm International Peace Research Institute. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0.pdf (accessed: 19.12.2020).

¹³ Perlo-Freeman S., Solmirano C. Trends in world military expenditure, 2013 // Stockholm International Peace Research Institute. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/FS/SIPRIFS1404.pdf> (accessed: 19.12.2020).

ними следовал Китай (261 млрд), Россия занимала четвертое место (65,1 млрд долл.).

В то же время эксперты ставят под вопрос надежность рыночных валютных курсов в расчете военных расходов. Такие данные чрезвычайно занижают фактический объем затрат стран с относительно небольшими доходами на душу населения, таких как Россия и Китай. Уместно ставится вопрос: как может Россия с ее расходами на оборону, как утверждается, равнозначными расходам Франции или Великобритании, содержать более чем миллионную армию и закупать современное военное оборудование в объемах, превосходящих большинство европейских государств, вместе взятых?¹⁴ Расчеты на основе рыночных валютных курсов игнорируют колебания курсов внутренней валюты, такие как, например, резкое обесценивание российского рубля в 2014–2015 гг. В то время как военные расходы России в долларовом выражении сокращались, в рублевом исчислении они значительно увеличивались.

Кроме того, Россия производит большую часть своего вооружения сама и не импортирует дорогое оружие из-за границы, в итоге рубль, потраченный на родине, покупает значительно больше, чем доллар, потраченный за ее пределами. Многие эксперты убеждены, что скорректированные по паритету покупательной способности (ППС) оценки военного бюджета более методологически обоснованны, поскольку позволяют учитывать нерыночные товары и услуги, преобладающие в военных расходах таких стран, как Россия и Китай¹⁵. Скорректированные по ППС размеры военных бюджетов Пекина и Москвы в 2019 г. достигли 500 и 166 млрд долл. соответственно¹⁶. Эта оценка исключает скрытые и теневые

---

¹⁴ Kofman M., Connolly R. Why Russian military expenditure is much higher than commonly understood (as is China's) // War on the Rocks. 16.12.2019. Available at: <https://warontherocks.com/2019/12/why-russian-military-expenditure-is-much-higher-than-commonly-understood-as-is-chinas/> (accessed: 19.12.2020).

¹⁵ Connolly R. Russian military expenditure in comparative perspective: A purchasing power parity estimate // Center for Naval Analysis. 2019. Available at: https://www.cna.org/CNA_files/PDF/IOP-2019-U-021955-Final.pdf (accessed: 19.12.2020).

¹⁶ Wezeman S.T. Russia's military spending: Frequently asked questions // Stockholm International Peace Research Institute. 27.04.2020. Available at: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2020/russias-military-spending-frequently-asked-questions#:~:text=Converting%20Russian%20military%20expenditure%20using,billion%20using%20market%20exchange%20rates> (accessed: 19.12.2020).

военные расходы, существующие в обеих странах. Показатели, посчитанные с учетом ППС, демонстрируют, что последние 15 лет разрыв между США, с одной стороны, и Китаем и Россией — с другой стремительно сокращался.

Такие значительные изменения в распределении мощи в структуре международных отношений делают издержки балансирования против США, в том числе посредством формирования союзов, менее неприемлемыми (см. рис. 1). Иными словами, появляются структурные возможности для эффективного балансирования. В то же время остающееся превосходство Соединенных Штатов над Китаем или Россией подавляет стимулы Пекина и Москвы балансировать друг против друга. Как долго продлится такое распределение сил, будет зависеть от многих факторов, и что произойдет с российско-китайскими отношениями, когда (и если) КНР действительно превзойдет США в плане материальных возможностей, остается неизвестным. Однако это не отменяет *текущих* условий баланса сил, которые стимулируют появление российско-китайского союза.

Как утверждает Н. Монтейру, в то время как системный гегемон представляет для других стран всеохватывающую угрозу, последняя наиболее значима для государств, находящихся на пороге становления сверхдержавами [Monteiro, 2014: 179–204]. Это означает, что сокращение разрыва в материальных возможностях с США имеет значительные поведенческие последствия как для Китая, так и для России. Оно раздвигает границы возможных действий и поощряет Пекин и Москву проводить более решительную внешнюю политику, что в свою очередь провоцирует сдерживающий ответ США и увеличивает системное давление на оба государства. Такая цепная реакция заставляет конкурирующие полюсы видеть друг в друге всё более растущую угрозу. Таким образом, для противников глобальной гегемонии США, таких как Китай и Россия, рост системного давления и вытекающие из него угрозы парадоксально смешиваются с ростом их собственной мощи и общим улучшением их структурного положения в международной системе.

Провоцируемые данными процессами изменения в поведении Китая, России и США приводят к появлению того, что Б. Бузан и О. Вэвер называют «геополитически заряженными комплексами региональной безопасности (КРБ)» [Buzan, Waever, 2003]. Такие комплексы представляют собой региональные конфигурации с во-

влечением великих держав, «члены которых настолько взаимосвязаны в плане их безопасности, что действия одного любого из них оказывают значительное влияние на других» [Lake, 2009: 35]. Подобные КРБ появились как в американско-китайских, так и в американско-российских отношениях.

Американо-китайский КРБ сформировался в Юго-Восточной Азии в значительной степени как результат всё более решительных действий Пекина в регионе Южно-Китайского моря и ответа Вашингтона в форме «возврата в Азию», направленного на восстановление стратегического лидерства США в регионе. Растущая активность военно-морского флота КНР в регионе бросает вызов свободе морской и воздушной навигации США. Последующая цепь событий заставляет обе державы вставать на конфронтационный курс, усиливая динамику балансирования между собой и способствуя восприятию друг друга как угрозы.

Список событий, приводящих к ухудшению американо-китайских отношений в контексте смещения баланса сил, довольно длинный и включает многочисленные провокации в регионе Южно-Китайского моря, торговые и тарифные войны, отказы в выдаче въездных виз с обеих сторон, эмбарго на товары и технологию мобильной сети 5G. Движение отношений по нисходящей только ускорило в условиях пандемии COVID-19. По мере усиления соперничества Вашингтона и Пекина закономерно активизируются обсуждения возможности формирования китайско-российского союза, особенно после того, как в Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в декабре 2017 г., Китай и Россия были названы главными противниками¹⁷.

Подобную динамику также можно наблюдать в американско-российском КРБ в Восточной Европе. Особенно наглядны в этом плане вооруженный конфликт в Южной Осетии (2008) и «украинский кризис» (2014), которые стали неотъемлемой частью усиливающейся геополитической напряженности между Россией и Западом (в частности, США) и отражали попытки Кремля вернуть себе влияние в том, что он считает сферой своих приоритетных стратегических интересов.

---

¹⁷ National Security Strategy of the United States of America // President of the United States. 18.12.2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 19.12.2020).

Постепенно теряя свое военно-техническое преимущество, США открыто называют Китай и Россию главными соперниками и соответственно формируют свою оборонную политику. Так, Вашингтон отводит КНР первое место в своих оборонных стратегиях и пытается втянуть Пекин в прямое военно-технологическое соперничество, которое, как прогнозируется, будет затяжным и приведет к гонке вооружений [Cheung, Mahnken, 2018: 239–245]. В ответ китайские стратеги уделяют основное внимание США как непосредственному конкуренту в военной сфере и потенциальному противнику [Chase, Mastro, 2018: 114].

Схожая динамика применима и к российско-американским отношениям. Вашингтон называет Россию «набирающей силы злокачественной опухолью»¹⁸ и вводит экономические санкции. Москва же отвечает участием в антиамериканском балансировании, используя все доступные средства, включая союзничество с Китаем [Korolev, 2018].

Одновременные конфронтационные отношения и с Китаем, и с Россией не сулят ничего хорошего долгосрочным стратегическим интересам США. Так, Дж. Миршаймер сурово осудил американскую внешнюю политику двойной конфронтации, назвав ее «стратегической глупостью первого порядка», толкающей Россию в руки Китая и игнорирующей потенциальные геополитические последствия для самих Соединенных Штатов¹⁹. Вашингтон пытается поддерживать свое, пока еще существующее, силовое преимущество, сдерживая обоих конкурентов. Китай и Россия, набирающие силу, но всё еще отстающие от США, отвечают усилением военного сотрудничества. В условиях перераспределения глобальных ресурсов это приводит к дальнейшему сдерживанию со стороны Вашингтона, что далее стимулирует союз между Пекином и Москвой.

Баланс угроз и поведение Китая, России и США. По мере ухудшения отношений Китая и России с США относительно от-

---

¹⁸ Indo-Pacific strategy report: Preparedness, partnerships, and promoting a networked region // U.S. Department of Defense. 01.06.2019. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (accessed: 19.12.2020).

¹⁹ Akita H. U.S., China heading toward face-off, says Mearsheimer // Nikkei Asian. 26.03.2015. Available at: <http://asia.nikkei.com/magazine/20150326-Singapore-after-Lee/Viewpoints/US-China-heading-toward-face-off-says-Mearsheimer> (accessed: 19.12.2020).

даленная угроза со стороны Вашингтона каждой из двух стран в отдельности пропорционально росла и постепенно превратилась в непосредственную общую угрозу обеим державам. Пекин и Москва разделяют взгляды друг друга на внешние угрозы безопасности, связанные с Соединенными Штатами, по широкому кругу вопросов, включая американскую программу национальной противоракетной обороны в Восточной Европе, попытки Вашингтона усилить свое политическое и военное влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, восточную экспансию НАТО, «цветные революции», вопросы суверенитета и другие проблемные точки глобальной и региональной политики.

Китай счел «возврат в Азию», провозглашенный администрацией Б. Обамы в 2011 г., и последующую активизацию политики Вашингтона в этой части света серьезной угрозой безопасности и попыткой создать линии сдерживания против КНР в Тихоокеанском регионе с опорой на Японию, Тайвань, Южную Корею, Филиппины и других союзников США²⁰. Об этом неоднократно прямо писала «Жэньминь жибао» (официальная газета Коммунистической партии Китая)²¹.

Восприятие Пекином США как непосредственного военного противника укрепилось после того, как Вашингтон объявил о запуске «третьей стратегии компенсации» (ТСК), напрямую вовлекающей Китай в непосредственную оборонно-технологическую конкуренцию²². В исследовании проблемы стратегического недоверия между США и КНР В. Цзиси и К. Либерталь (два влиятельных ученых и консультанта по вопросам внешней политики) обнаружили: «...высокопоставленные китайские должностные лица открыто заявляют, что США являются главной угрозой национальной безопасности Китая»; это представление особенно распространено в оборонно-военных учреждениях КНР и в идеологических организациях Ком-

---

²⁰ Детальный анализ восприятия Пекином американской стратегии «возврата в Азию», основанный на китайских источниках, представлен в [Swaine, 2012].

²¹ Wang T. U.S. uses 'hedging' strategy to deal with China's rise // People's Daily. 26.12.2011. Available at: <http://english.people.com.cn/90780/7688310.html> (accessed: 19.12.2020).

²² «Третья стратегия компенсации» подразумевает реформы, направленные на усиление технологического преимущества США для обеспечения превосходства над потенциальными и реальными соперниками.

мунистической партии²³. Пандемия COVID-19 и продолжающееся ухудшение американо-китайских отношений еще больше подливают масла в огонь.

Россия в свою очередь традиционно рассматривает попытки политической и военной экспансии США и НАТО на восток как угрозу национальной безопасности. Нарастание напряженности между Москвой и Вашингтоном, начавшееся в конце 2000-х годов, усилило это представление. После вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 г. Москва начала серьезно рассматривать возможность военного противостояния с Западом, а «украинский кризис» 2014 г. только укрепил данное мнение.

При этом ухудшение российско-американских и китайско-американских отношений привело к совпадению взглядов Пекина и Москвы на внешние угрозы. Россия начала рассматривать политику Вашингтона, в основном ориентированную на Китай, через призму собственного балансирования против США. Наглядный пример — упомянутая ТСК. Как продемонстрировал В.Б. Кашин, в российских работах она представляется в основном как стратегия, направленная на поддержание военного превосходства Соединенных Штатов над КНР, и только во вторую очередь — как ответ на рост военной мощи России [Kashin, 2018: 212–214]. Причем такой взгляд на ТСК можно обнаружить не только в научных публикациях, но и в СМИ российского Министерства обороны [Kashin, 2018: 215].

Однако трансформации российско-американских отношений в результате «украинского кризиса» изменили такое толкование и дали толчок к пересмотру военного сотрудничества с Китаем в направлении совместного балансирования против США. Так, 18 ноября 2014 г. китайский министр обороны генерал Чан Ваньцюань и его российский коллега генерал армии Сергей Шойгу выступили с совместным заявлением, недвусмысленно назвав Вашингтон главной внешней угрозой обеим странам. Они заявили, что Китай и Россия «озабочены попытками США усилить свое политическое и военное влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и что в данном кон-

---

²³ Lieberthal K., Wang J. Addressing US-China strategic distrust // Washington, D.C.: Brookings Institution, 2012. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0330_china_lieberthal.pdf (accessed: 19.12.2020).

тексте российско-китайское военное сотрудничество приобретает исключительное значение²⁴.

Системное давление, исходящее от США, и одновременное ухудшение американо-китайских и американо-российских отношений также повлияли на совпадение оценки Пекином и Москвой внешних угроз в регионе Южно-Китайского моря — территории, казалось бы, не представляющей большого значения для России. Как можно судить по многочисленным публикациям в российских ведущих журналах по международным отношениям, таких как «Азия и Африка сегодня», «Международная жизнь», «Проблемы Дальнего Востока», «Россия в глобальной политике», и на специализированных веб-порталах, российские эксперты и политическая элита истолковывают политику США в Азии как попытку сдерживания КНР. Китай в свою очередь рассматривается как страна, продвигающая «альтернативную модель развития», которую поддерживает Россия [Портяков, 2015: 255–266]. Преобладающее в Кремле мнение о политике Вашингтона в регионе Южно-Китайского моря всё больше совпадает с оценкой данного вопроса Пекином, что приводит к негласному, а порой и открытому принятию поведения КНР на этой территории [Korolev, 2019b].

Дальнейший анализ протоколов встреч в рамках российско-китайских регулярных консультаций по вопросам безопасности, таких как встречи министров обороны, стратегические консультации начальников штабов войск, российско-китайские консультации по вопросам национальной безопасности, российско-китайский диалог по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии и другие форматы, обнаруживает растущую озабоченность по поводу «американского фактора». Критика и осуждение политики Соединенных Штатов в Азии и других регионах как «всё более угрожающей» и обозначение международной среды как «всё более сложной и недружелюбной», а также заявления о намерении объединить усилия в противостоянии растущей угрозе со стороны США стали укоренившейся нормой

---

²⁴ Министр обороны России генерал армии Сергей Шойгу провел переговоры с китайским коллегой генерал-полковником Чан Ваньцюанем // Министерство обороны Российской Федерации. 18.11.2014. Доступ: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=12000207@egNews (дата обращения: 19.12.2020).

в российско-китайском диалоге по вопросам безопасности²⁵. При этом российские власти неизменно и публично опровергают теорию «китайской угрозы». Россия, вероятно, в значительной мере избавилась от этого комплекса, который существовал в российском обществе и политической элите в 1990-х и, в меньшей степени, 2000-х годах. Демилитаризованная общая граница также свидетельствует об этом.

Вместе с тем улучшение российско-китайского взаимодействия не означает полного исчезновения китайской угрозы. Пекин превосходит Москву по многим параметрам, и у российской политической элиты и населения есть причины беспокоиться из-за растущей мощи КНР. С этой точки зрения более тесное сотрудничество с Европой или США в качестве противовеса Китаю не стоит рассматривать как абсолютно нецелесообразное. Однако в данный момент китайская угроза является гипотетической, а угроза со стороны Вашингтона и его союзников — реальной. В какой-то степени это применимо и к Китаю. Российская военная мощь и тенденция к проведению агрессивной политики, особенно в отношении спорных, с точки зрения Кремля, территорий, могут вызывать беспокойство в Пекине, но США представляют несоизмеримо большую угрозу, которая заставляет опасения Китая по поводу намерений Москвы.

Баланс интересов и российско-китайское взаимодействие. Анализ российско-китайских отношений через призму концепции «баланса интересов» предполагает выявление наличия либо отсутствия у Китая и России ревизионистских настроений и их реакции на изменения в балансе сил и балансе угроз в рассматриваемый период. Следует отметить, что вопрос о сущности российского и китайского ревизионизма и их близости с точки зрения подходов к существующему миропорядку является дискуссионным. Одни авторы подчеркивают разный характер российского и китайского ревизионизма [Karmazin, Нупек, 2020], тогда как другие утверждают, что Россия проводит скорее ультрареакционную, охранительную, а не ревизионистскую политику [Истомин, 2020].

В рамках данной статьи используется понимание ревизионизма, предложенное У. Уолфортом [Wohlforth, 2002: 106], согласно которому в условиях однополярности и глобального американского

---

²⁵ Детальный разбор различных российско-китайских совместных заявлений и документов на предмет идентификации США как общей угрозы для обеих стран см.: [Korolev, 2019a].

доминирования, ставших характеристиками статус-кво международной системы после окончания холодной войны, ревизионистский проект — это проект, нацеленный на ревизию и последующее прекращение однополярности (во всех смыслах) во главе с США.

Содержание российско-китайских деклараций и заявлений после холодной войны показывает, что обе стороны не особенно заинтересованы в поддержании положения, когда США занимают доминирующую позицию. В многочисленных совместных заявлениях 1990-х годов Китай и Россия подчеркивают необходимость сотрудничества для обеспечения принципа многополярности²⁶. Антиоднополярный дискурс в российско-китайских отношениях установился в конце 1990-х и эволюционировал от простого провозглашения многополярности желательным мировым порядком до проявления решимости такой порядок создать.

На фоне ухудшавшихся отношений с США ревизионистские антиоднополярные настроения как в Китае, так и в России усилились. 12 февраля 2007 г. президент В. Путин выступил со своей знаменитой Мюнхенской речью, в которой отражались геополитические амбиции новой постсоветской России и открыто отрицалась идея однополярного мира с доминированием США²⁷. 23 мая 2008 г. Китай и Россия опубликовали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации по основным международным вопросам» (также известное как заявление Медведева–Ху). В данном документе они открыто поддержали формат БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и представили его как необходимый противовес однополярному миру, возглавляемому США²⁸.

В последующие годы российские и китайские лидеры неоднократно подчеркивали свою общность в предпочтении многопо-

---

²⁶ Об этом свидетельствуют российско-китайские совместные декларации от 3 сентября 1994 г., 25 апреля 1996 г., 23 апреля 1997 г., 10 ноября 1997 г., 23 ноября 1998 г.

²⁷ Speech and the following discussion at the Munich Conference on security policy // President of Russia. 10.02.2007. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed: 19.12.2020).

²⁸ Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on major international issues // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 23.05.2008. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t465821.shtml (accessed: 19.12.2020).

лярного мира. В случае России это особенно ярко прослеживается по ужесточавшейся риторике В. Путина на различных международных саммитах и конференциях. 24 октября 2014 г. в своей речи на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в городе Сочи российский президент заявил, что однополярный мир не может быть сохранен просто потому, что «односторонний диктат [США и их союзников. — А.К.] и навязывание своих собственных шаблонов приносят прямо противоположный результат»²⁹. В этом духе выдержаны и другие программные публичные выступления российского лидера, такие как Крымская речь³⁰, обращение на Генеральной Ассамблее ООН (2015)³¹ и т.д. В целом Москва и Пекин всё больше подчеркивают, что их позиции по основным международным проблемам похожи или одинаковы; что у их двусторонних отношений нет проблем, которые «нельзя было бы решить», или как минимум нет конфликта основных интересов [Портяков, 2015: 143].

Китайские лидеры и дипломаты более осторожны в заявлениях по сравнению со своими российскими партнерами. При этом оценки китайских экспертов, каковы интересы Китая по отношению к России и США, заслуживают отдельного внимания. Примечательна в этом контексте база данных «Отношения Китая с великими державами» (Чжунго юй даго гуаньси), созданная в Институте межнациональных отношений Университета Цинхуа. Эта база представляет собой ранжирование отношений Китая с крупными державами, составляемое ежемесячно на основании экспертных заключений. Оценки даются по шкале от –9 до +9. Три самых низких значения (от –9 до –7) указывают на высокий, средний и низкий уровни «конфронтации», которая определяется как отношения

---

²⁹ Meeting of the Valdai International Discussion Club // President of Russia. 24.10.2014. Available at: <http://eng.kremlin.ru/news/23137> (accessed: 19.12.2020).

³⁰ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 18.03.2014. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 19.12.2020).

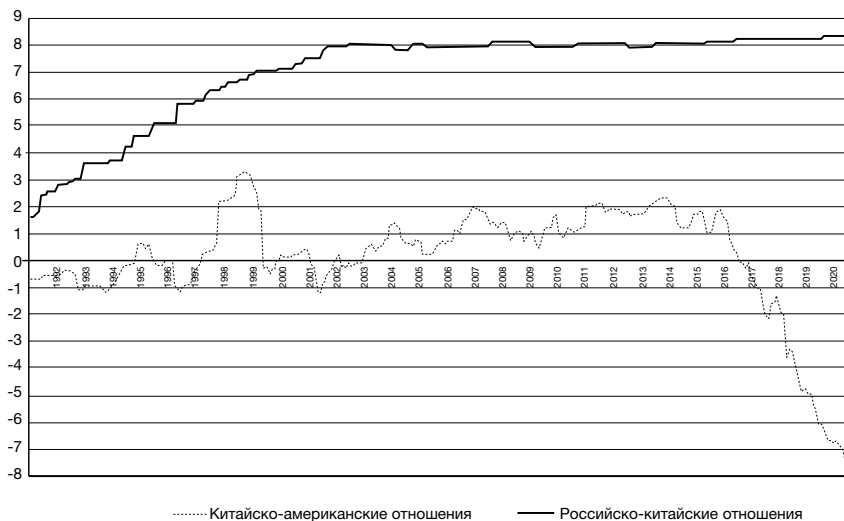
³¹ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Президент России. 28.09.2015. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 19.12.2020).

между «врагами» с несовместимыми интересами. Следующие три значения (от -6 до -4) — те же три градации, но уже в рамках категории «напряженность». Значения от -3 до -1 относятся к высокому, среднему и низкому уровням «разногласий» — ситуациям, когда сталкивающиеся интересы преобладают над общими. Отношения, попадающие в диапазон между $+1$ и $+3$, — «обычные» с общностью интересов, едва превосходящей конкуренцию; оценки от $+4$ до $+6$ относятся к «хорошим отношениям», в которых общие интересы значительно превосходят разногласия, хотя последние могут быть ярко выраженными. Верхняя часть шкалы, от $+7$ до $+9$, указывает на «друзей» с общими стратегическими отношениями и почти одинаковыми позициями по главным международным вопросам³². Данная шкала позволяет оценить долгосрочные тенденции общности китайских интересов с другими государствами, по оценке ведущих китайских экспертов международных отношений.

На рис. 2 показана эволюция китайских экспертных оценок совпадения интересов Китая и России и, наоборот, расхождения интересов Китая и США. Ухудшение китайско-американских отношений было наиболее значительным после 2016 г., а с середины 2018 г. они опустились до отметки $-7,6$, что, согласно этой базе данных, означает конфронтационные отношения с несовместимыми интересами. Что касается российско-китайских отношений, то в 2020 г. ученые из Университета Цинхуа оценили их в $+8,3$ балла, что означает «очень дружеские» с околоидентичными интересами. Это самая высокая оценка, которая была у отношений Китая с крупными державами, и она указывает на общность интересов и единую позицию по значительному числу международных вопросов. Эти данные могут быть подвергнуты сомнению с разных точек зрения, в том числе и с методологической, поскольку индекс опирается на экспертные оценки, однако они представляют собой ценную информацию о том, как ведущие китайские эксперты видят отношения Китая с крупными державами.

---

³² Для детального объяснения процедуры кодировки экспертных оценок данную шкалу см.: Чжунго юй даго гуаньси шуцзюйку шиюн фанфа [Руководство для базы данных «Отношения Китая с великими державами»] // Институт международных отношений Университета Цинхуа. Доступ: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iiis/7522/index.html> (дата обращения: 19.12.2020).

Рис. 2. Оценка совместимости интересов Китая с интересами России и США

Fig. 2. Assessment of compatibility of China's interests with the interests of Russia and the USA

Источник: рассчитано автором на основе количественной базы данных «Отношения Китая с великими державами». Доступ: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7522/index.htm> (дата обращения: 31.07.2021).

Source: calculated by the author on the basis of 'The measurement of China's relationship with major powers' database. Available at: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7522/index.htm> (accessed: 31.07.2021).

В Китае и России существует убеждение, что при многополярности у обеих стран будет больше свободы действий и возможностей защищать и расширять свои национальные интересы. В то же время вместе с ухудшением американо-китайских и американо-российских отношений китайско-российское взаимодействие всё больше проникается желанием обеих стран подчеркнуть свою «незападную» идентичность в международных делах, что углубляет идейный и нормативный раскол между Китаем и Россией, с одной стороны, и США — с другой. В этой связи некоторые ученые замечают, что у китайско-российского глобального ревизионизма имеются более глубокие причины, обусловленные «культивированием общества

единомыслящих незападных стран», которые должны оказывать большее влияние на формирование международного порядка³³, поэтому текущие разногласия могут быть более глубокими, чем те, что существовали даже в период холодной войны. Теперь Китай и Россия радикально отрицают саму идею американского глобального лидерства и «универсальные ценности» Запада. В этом смысле мировой порядок, возглавляемый США, рассматривается странами как цивилизационная угроза. Такое неприятие американского лидерства и отрицание западной идеологии приводят к более тесному объединению «неЗапада», в котором Китай и Россия видят себя основными игроками.

* * *

Проведенное исследование показывает, что в контексте российско-китайских отношений баланс сил, баланс угроз и баланс интересов оказываются факторами, стимулирующими возникновение более тесного союза. Это проявляется в усиливающейся тенденции к совместному российско-китайскому балансированию против США.

В среднесрочной перспективе усиление стратегической кооперации между Россией и Китаем, с большой вероятностью, останется стабильным. Столкновение интересов Пекина и Москвы маловероятно. Большее давление со стороны США, скорее всего, ускорит формирование китайско-российского союза: оно побудит обе державы не только укреплять военное сотрудничество, но и тщательно работать над улучшением двусторонних отношений, сглаживая оставшиеся разногласия. В то же время в зависимости от того, как будет развиваться их взаимодействие с США и Европой, Китай и Россия могут постепенно уменьшить число своих антизападных заявлений и дать обратный ход траектории союза в рамках двустороннего сотрудничества. Однако с учетом состояния отношений Китая и России с США, а также того, как далеко зашли Пекин и Москва в своем военном сотрудничестве, вероятнее всего, страны станут более взаимозависимыми и их сотрудничество в предстоящие годы будет углубляться. Динамика изменений в рамках каждого из «трех балансов» — сил, угроз и интересов, равно как и отношений между ними, указывает на высокую вероятность именно такого сценария.

---

³³ Haenle P., Trenin D. China-Russia relations after Ukraine // Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. 26.06.2015. Available at: <http://carnegietsinghua.org/2015/05/26/china-russia-relations-after-ukraine/i92t> (accessed: 19.12.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Истомин И.А. Россия как держава статус-кво // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 1. С. 30–38.
2. Истомин И.А. Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6.
3. Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 6. № 6. С. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02.
4. Истомин И.А., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4. С. 42–62. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.3.
5. Киреева А.Н. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4. С. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6.
6. Королёв А.Н. Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // Россия и АТР. 2019. № 3. С. 138–160. DOI: 10.24411/1026-8804-2019-10043.
7. Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 135–151. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021.
8. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 21-м столетии. М.: ИДВ РАН, 2015.
9. Фомин И.В., Силаев Н.Ю., Макарычева А.В. и др. Союзники России: формальные обязательства и фактическое сотрудничество // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2. С. 101–130. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.6.
10. Bennett D.S. Testing alternative models of alliance duration, 1816–1984 // American Journal of Political Science. 1997. Vol. 41. No. 3. P. 846–878. DOI: 10.2307/2111677.
11. Benson B.V. Constructing international security: Alliances, deterrence, and moral hazard. New York: Cambridge University Press, 2012. DOI: 10.1017/CBO9781139225694.
12. Benson B.V., Clinton J.D. Assessing the variation of formal military alliances // Journal of Conflict Resolution. 2016. Vol. 60. No. 5. P. 866–898. DOI: 10.1177/0022002714560348.
13. Buzan B., Waever O. Regions and powers: The structure of international security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
14. Chase M., Mastro O.S. Long-term strategic competition between the United States and China in military aviation // The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial

development / Ed. by M. Cheung, T.G. Mahnken. New York: Cambria Press, 2018. P. 111–139.

15. Cheung T.M., Mahnken T.G. Conclusion: The long-term implications of future U.S. strategy for China and Chinese strategy for the United States // *The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development* / Ed. by M. Cheung, T.G. Mahnken. New York: Cambria Press, 2018. P. 239–249.

16. Istomin I.A. The logic of counterpoint: Aspirations of liberal hegemony and counter-ideological alignment // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 8–34. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-8-34.

17. Joffe J. Defying history and theory: The United States and the ‘last remaining superpower’ // *America unrivalled: The future of the balance of power* / Ed. by G.J. Ikenberry. New York: Cornell University Press, 2002. P. 155–181.

18. Johnson J.C., Leeds B.A. Defense pacts: A prescription for peace? // *Foreign Policy Analysis*. 2011. Vol. 7. No. 1. P. 45–65. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2010.00122.x.

19. Karmazin A., Hynek N. Russian, US and Chinese revisionism: Bridging domestic and great power politics // *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. No. 6. P. 955–975. DOI: 10.1080/09668136.2020.1776221.

20. Kashin V. Russian perspectives on the third Offset Strategy and its implications for Russian-Chinese defense technological cooperation // *The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development* / Ed. by M. Cheung, T.G. Mahnken. New York: Cambria Press, 2018. P. 211–239.

21. Korolev A. On the verge of an alliance: Contemporary China-Russia military cooperation // *Asian Security*. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 233–252. DOI: 10.1080/14799855.2018.1463991.

22. Korolev A. Russia in the South China Sea: Balancing and hedging // *Foreign Policy Analysis*. 2019. Vol. 15. No. 2. P. 263–282. DOI: 10.1093/fpa/orx015.

23. Korolev A. Theories of non-balancing and Russia’s foreign policy // *Journal of Strategic Studies*. 2018. Vol. 41. No. 6. P. 887–912. DOI: 10.1080/01402390.2017.1283614.

24. Korolev A., Portyakov V. China-Russia relations in times of crisis: A neoclassical realist explanation // *Asian Perspective*. 2018. Vol. 42. No. 3. P. 411–437. DOI: 10.1353/apr.2018.0018.

25. Lai B., Reiter D. Democracy, political similarity, and international alliances, 1816–1992 // *Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44. No. 2. P. 203–227. DOI: 10.1177/0022002700044002003.

26. Lake D.A. Regional hierarchy: Authority and local international order // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. No. S1. P. 35–58. DOI: 10.1017/S02602105090008420.

27. Lalwani S., Byrne H. Great expectations: Asking too much of the US-India strategic partnership // *The Washington Quarterly*. 2019. Vol. 42. No. 3. P. 41–64. DOI: 10.1080/0163660X.2019.1666353.

28. Leeds B.A. Do alliances deter aggression? The influence of military alliances on the initiation of militarised interstate disputes // *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 47. No. 3. P. 427–439. DOI: 10.1111/1540-5907.00031.

29. Monteiro N.P. *Theory of unipolar politics*. New York: Cambridge University Press, 2014.

30. Morrow J.D. Alliances, credibility, and peacetime costs // *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. No. 2. P. 270–297. DOI: 10.1177/0022002794038002005.

31. Owen J.M. *Transnational liberalism and American primacy; or, benignity is the eye of the beholder* // *America unrivalled: The future of the balance of power* / Ed. by G.J. Ikenberry. New York: Cornell University Press, 2002. P. 239–260.

32. Puthan Purayil M. The rise of China and the question of an Indo-US alliance: A perspective from India // *Asian Affairs*. 2021. Vol. 52. No. 1. P. 1–17. DOI: 10.1080/03068374.2021.1882139.

33. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. *Neoclassical realist theory of international politics*. New York: Oxford University Press, 2016. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199899234.001.0001.

34. Rosato S. The inscrutable intentions of great powers // *International Security*. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 48–88. DOI: 10.1162/ISEC_a_00190.

35. Schweller R.L. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 72–107. DOI: 10.2307/2539149.

36. Schweller R.L. *Deadly imbalances: Tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York: Columbia University Press, 1998. DOI: 10.2307/2585822.

37. Schweller R.L. Tripolarity and the Second World War // *International Studies Quarterly*. 1993. Vol. 37. No. 1. P. 73–103. DOI: 10.2307/2600832.

38. Smith A. Alliance formation and war // *International Studies Quarterly*. 1995. Vol. 39. No. 4. P. 405–425. DOI: 10.2307/2600800.

39. Snyder G.H. Alliances, balance, and stability // *International Organization*. 1991. Vol. 45. No. 1. P. 121–142. DOI: 10.1017/S0020818300001417.

40. Swaine D.S. Chinese leadership and elite responses to the U.S. Pacific pivot // *China Leadership Monitor*. 2012. No. 38. Available at: <https://www.hoover.org/research/chinese-leadership-and-elite-responses-us-pacific-pivot> (accessed: 19.12.2020).

41. Van Evera S. Offense, defense, and the causes of war // *International Security*. 1998. Vol. 22. No. 4. P. 5–43. DOI: 10.1162/isec.22.4.5.

42. Walt S.M. Alliance formation and the balance of world power // *International Security*. 1985. Vol. 3. No. 4. P. 3–43. DOI: 10.7591/9780801469992-010.

43. Walt S.M. Keeping the world ‘off balance’: Self-restraint and US foreign policy // *America Unrivaled: The future of the balance of power* / Ed. by G.J. Ikenberry. Cornell University Press, 2002. P. 121–155. DOI: 10.2139/ssrn.253799.

44. Walt S.M. *The origins of alliances*. New York: Cornell University Press, 1990.

45. Waltz K.N. Structural realism after the Cold War // *International security*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372.

46. Waltz K.N. *Theory of international politics*. New York: McGraw-Hill, 1979.

47. Ward M.D. *Research gaps in alliance dynamics*. Denver: University of Denver, 1982.

48. Wilkins T.S. ‘Alignment’, not ‘alliance’ — the shifting paradigm of international security cooperation: Toward a conceptual taxonomy of alignment // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. No. 1. P. 53–76. DOI: 10.1017/S0260210511000209.

49. Wohlforth W.C. U.S. strategy in a unipolar world. *America Unrivaled: The future of the balance of power* / Ed. by G.J. Ikenberry. Cornell University Press, 2002. P. 98–120. DOI: 10.1162/016228899560031.

50. Yuen A. Target concessions in the shadow of intervention // *Journal of Conflict Resolution*. 2009. Vol. 53. No. 5. P. 745–773. DOI: 10.1177/0022002709339046.

REFERENCES

1. Istomin I.A. 2020. Rossiya kak derzhava status-kvo [Russia as a status-quo power]. *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no. 1, pp. 30–38. (In Russ.)

2. Istomin I.A. 2017. Sovremennaya zapadnaya teoriya voenno-politicheskikh al'yansov: dostizheniya i lakuny [Western theory of international military alliances: The state of the discipline]. *International Trends*, vol. 15, no. 4, pp. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6. (In Russ.)

3. Istomin I.A., Baykov A.A. 2020. Al'yansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiya instrumentariya voenno-politicheskogo dominirovaniya [Alliances at the service of hegemony: Deconstruction of the military domination toolbox]. *Polis. Political Studies*, vol. 6, no. 6, pp. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02. (In Russ.)

4. Istomin I.A., Silaev N.Yu., Sushentsov A.A. 2018. Strategii soyuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav [Strategies of alliances of continental and sea powers]. *International Trends*, vol. 16, no. 4, pp. 42–62. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.3. (In Russ.)

5. Kireeva A.N. 2019. Budushchnost' rossiisko-kitaiskogo soyuznichestva v kontekste teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Theories of international relations and prospects of a military alliance between Russia and China]. *International Trends*, vol. 17, no. 4, pp. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6. (In Russ.)

6. Korolev A.N. 2019. Naskol'ko blizki Rossiya i Kitai? Voenno-strategicheskoe sotrudnichestvo v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [How close are Russia and China? Assessing military-strategic cooperation in international relations]. *Russia and the Pacific*, no. 3. pp. 138–160. DOI: 10.24411/1026-8804-2019-10043. (In Russ.)

7. Lukin A.V., Kashin V.B. 2019. Rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo i bezopasnost' v ATR [Russian-Chinese cooperation and security in Asia Pacific region]. *Comparative Politics*, vol. 10, no. 2, pp. 135–151. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021. (In Russ.)

8. Portyakov V.Y. 2015. *Vneshnyaya politika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v 21-m stoletii* [Foreign policy of the People's Republic of China in the 21st century]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies Press. (In Russ.)

9. Fomin I.V., Silaev N.Yu., Makarycheva A.V. et al. 2019. Soyuzniki Rossii: formal'nye obyazatel'stva i fakticheskoe sotrudnichestvo [Russia's allies: Formal obligations vs. effective cooperation]. *International Trends*, vol. 17, no. 2, pp. 101–130. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.6. (In Russ.)

10. Bennett D.S. 1997. Testing alternative models of alliance duration, 1816–1984. *American Journal of Political Science*, vol. 41, no. 3, pp. 846–878. DOI: 10.2307/2111677.

11. Benson B.V. 2012. *Constructing international security: Alliances, deterrence, and moral hazard*. New York, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139225694.

12. Benson B.V., Clinton J.D. 2016. Assessing the variation of formal military alliances. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 5, pp. 866–898. DOI: 10.1177/0022002714560348.

13. Buzan B., Waever O. 2003. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge, Cambridge University Press.

14. Chase M., Mastro O.S. 2018. Long-term strategic competition between the United States and China in military aviation. In: Cheung T.M., Mahnken T.G. (eds.). *The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development*. New York, Cambria Press, pp. 111–139.

15. Cheung T.M., Mahnken T.G. 2018. Conclusion: The long-term implications of future U.S. strategy for China and Chinese strategy for the United States. In: Cheung T.M., Mahnken T.G. (eds.). *The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development*. New York, Cambria Press, pp. 239–249.
16. Istomin I.A. 2019. The logic of counterpoint: Aspirations of liberal hegemony and counter-ideological alignment. *Russia in Global Affairs*, vol. 17, no. 2, pp. 8–34. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-8-34.
17. Joffe J. 2002. Defying history and theory: The United States and the ‘last remaining superpower’. In: Ikenberry G.J. (ed.). *America unrivalled: The future of the balance of power*. New York, Cornell University Press, pp. 155–181.
18. Johnson J.C., Leeds B.A. 2011. Defense pacts: A prescription for peace? *Foreign Policy Analysis*, vol. 7, no. 1, pp. 45–65. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2010.00122.x.
19. Karmazin A., Hynek N. 2020. Russian, US and Chinese revisionism: Bridging domestic and great power politics. *Europe-Asia Studies*, vol. 72, no. 6, pp. 955–975. DOI: 10.1080/09668136.2020.1776221.
20. Kashin V. 2018. Russian perspectives on the third Offset Strategy and its implications for Russian-Chinese defense technological cooperation. In: Cheung T.M., Mahnken T.G. (eds.). *The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development*. New York, Cambria Press, pp. 211–239.
21. Korolev A. 2019a. On the verge of an alliance: Contemporary China-Russia military cooperation. *Asian Security*, vol. 15, no. 3, pp. 233–252. DOI: 10.1080/14799855.2018.1463991.
22. Korolev A. 2019b. Russia in the South China Sea: Balancing and hedging. *Foreign Policy Analysis*, vol. 15, no. 2, pp. 263–282. DOI: 10.1093/fpa/orx015.
23. Korolev A. 2018. Theories of non-balancing and Russia’s foreign policy. *Journal of Strategic Studies*, vol. 41, no. 6, pp. 887–912. DOI: 10.1080/01402390.2017.1283614.
24. Korolev A., Portyakov V. 2018. China-Russia relations in times of crisis: A neoclassical realist explanation. *Asian Perspective*, vol. 42, no. 3, pp. 411–437. DOI: 10.1353/apr.2018.0018.
25. Lai B., Reiter D. 2000. Democracy, political similarity, and international alliances 1816–1992. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 44, no. 2, pp. 203–227. DOI: 10.1177/0022002700044002003.
26. Lake D.A. 2009. Regional hierarchy: Authority and local international order. *Review of International Studies*, vol. 35, no. S1, pp. 35–58. DOI: 10.1017/S0260210509008420.
27. Lalwani S., Byrne H. 2019. Great expectations: Asking too much of the US-India strategic partnership. *The Washington Quarterly*, vol. 42, no. 3, pp. 41–64. DOI: 10.1080/0163660X.2019.1666353.

28. Leeds B.A. 2003. Do alliances deter aggression? The influence of military alliances on the initiation of militarised interstate disputes. *American Journal of Political Science*, vol. 47, no. 3, pp. 427–439. DOI: 10.1111/1540-5907.00031.

29. Monteiro N.P. 2014. *Theory of unipolar politics*. New York, Cambridge University Press.

30. Morrow J.D. 1994. Alliances, credibility, and peacetime costs. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 38, no. 2, pp. 270–297. DOI: 10.1177/0022002794038002005.

31. Owen J.M. 2002. Transnational liberalism and American primacy; or, benignity is the eye of the beholder. In: Ikenberry G.J. (ed.). *America unrivalled: The future of the balance of power*. New York, Cornell University Press, pp. 239–260.

32. Puthan Purayil M. 2021. The rise of China and the question of an Indo-US alliance: A perspective from India. *Asian Affairs*, vol. 52, no. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1080/03068374.2021.1882139.

33. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. 2016. *Neoclassical realist theory of international politics*. New York, Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199899234.001.0001.

34. Rosato S. 2015. The inscrutable intentions of great powers. *International Security*, vol. 39, no. 3, pp. 48–88. DOI: 10.1162/ISEC_a_00190.

35. Schweller R.L. 1994. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in. *International Security*, vol. 19, no. 1, pp. 72–107. DOI: 10.2307/2539149.

36. Schweller R.L. 1998. *Deadly imbalances: Tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York, Columbia University Press. DOI: 10.2307/2585822.

37. Schweller R.L. 1993. Tripolarity and the Second World War. *International Studies Quarterly*, vol. 37, no. 1, pp. 73–103. DOI: 10.2307/2600832.

38. Smith A. 1995. Alliance formation and war. *International Studies Quarterly*, vol. 39, no. 4, pp. 405–425. DOI: 10.2307/2600800.

39. Snyder G.H. 1991. Alliances, balance, and stability. *International Organization*, vol. 45, no. 1, pp. 121–142. DOI: 10.1017/S0020818300001417.

40. Swaine D.S. 2012. Chinese leadership and elite responses to the U.S. Pacific pivot. *China Leadership Monitor*, no. 38. Available at: <https://www.hoover.org/research/chinese-leadership-and-elite-responses-us-pacific-pivot> (accessed: 19.12.2020).

41. Van Evera S. 1998. Offense, defense, and the causes of war. *International Security*, vol. 22, no. 4, pp. 5–43. DOI: 10.1162/isec.22.4.5.

42. Walt S.M. 1985. Alliance formation and the balance of world power. *International Security*, vol. 3, no. 4, pp. 3–43. DOI: 10.7591/9780801469992-010.

43. Walt S.M. 2002. Keeping the world 'off balance': Self-restraint and US foreign policy. In: Ikenberry G.J. (ed.). *America unrivalled: The future of*

the balance of power. New York, Cornell University Press, pp. 121–155. DOI: 10.2139/ssrn.253799.

44. Walt S.M. 1990. *The origins of alliances*. New York, Cornell University Press.

45. Waltz K.N. 2000. Structural realism after the Cold War. *International Security*, vol. 25, no. 1, pp. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372.

46. Waltz K.N. 1979. *Theory of international politics*. New York, McGraw-Hill.

47. Ward M.D. 1982. *Research gaps in alliance dynamics*. Denver, University of Denver.

48. Wilkins T.S. 2012. ‘Alignment’, not ‘alliance’ — the shifting paradigm of international security cooperation: Toward a conceptual taxonomy of alignment. *Review of International Studies*, vol. 38, no. 1, pp. 53–76. DOI: 10.1017/S0260210511000209.

49. Wohlforth W.C. 2002. U.S. strategy in a unipolar world. In: Ikenberry G.J. (ed.). *America unrivalled: The future of the balance of power*. New York, Cornell University Press, pp. 98–120. DOI: 10.1162/016228899560031.

50. Yuen A. 2009. Target concessions in the shadow of intervention. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 53, no. 5, pp. 745–773. DOI: 10.1177/0022002709339046.

Статья поступила в редакцию 21.12.2020; одобрена после рецензирования 02.04.2021; принята к публикации 21.09.2021.

The paper was submitted 21.12.2020; approved after reviewing 02.04.2021; accepted for publication 21.09.2021.